

К вопросу о причинах образования Татарской АССР

С.М. Исхаков

*Институт российской истории РАН
Москва, Российская Федерация*

Статья отражает основные подходы к освещению национальной политики в Российской империи и в Советской России и посвящена малоизученному аспекту истории появления Татарской АССР. В освещении этого события имеются пробелы, обусловленные, с одной стороны, влиянием современных трактовок национальной политики, с другой – умалением роли социального движения народных масс, происходившего под религиозным влиянием и сыгравшего важную роль в ходе Гражданской войны на территории Поволжья и Урала в 1918–1920 гг.

Ключевые слова: национальная политика, мусульмане, И.В. Сталин, С.Макусов, Идель-Урал, Башкирская АССР, Татарская АССР.

Для цитирования: Исхаков С.М. К вопросу о причинах образования Татарской АССР // Из истории и культуры народов Среднего Поволжья. 2022. Т.12, №2. С.117–130.

Национальная политика для России – многовековая фундаментальная проблема. Понимание этой политики различается на государственном уровне и в обществоведении. Если в мировой науке под термином «национальная политика» понимается осуществление внешних интересов государства, а внутренняя политика государства в отношении этнических групп называется этнической политикой, то в Российской Федерации, согласно официальным документам, под «государственной национальной политикой» понимается система мер, реализуемых государственными органами и органами местного самоуправления, институтами гражданского общества и направленных на укрепление межнационального согласия, гражданского единства, обеспечение поддержки этнокультурного и языкового многообразия, недопущение дискриминации по признаку социальной, расовой, национальной, языковой или религиозной принадлежности, предупреждение конфликтов на национальной и религиозной почве.

В советской и российской историографии применяется термин «национальная политика», которая трактуется как явление чрезвычайно сложное, охватывающее многообразный мир отношений, деятельности, поведения, взглядов и связей между людьми, а также управление разнообразными интересами народов, населяющих ту или иную территорию, самыми разными сферами жизни общества, прежде всего экономической, социальной и духовной. В российской этнологической науке принят иной термин – «этнополитика».

К настоящему времени в политическом лексиконе и в историографии сложились противоречивые представления относительно национальной политики, проводимой в Российской империи к началу XX в. С одной стороны, весьма популярна точка зрения, что, например, мусульманам в царской России жилось «хорошо», что у них не было никаких причин для социального протеста, с другой – во многих публикациях поведение мусульманских масс рассматривается под углом зрения исходящего от них сепаратизма, грозящего целостности православно-христианского государства.

Если обратиться к хорошо известным историческим фактам, то в Российской империи национальная политика сводилась к регулированию не положения нерусских этносов, а статуса их конфессий и отчасти определяемых местными религиозными установлениями особенностей организации социальной жизни этих «инородцев». Единственным субъектом такой «национальной» политики был имперский Центр, а все нерусские народы оставались только объектом «национального» управления [14, с.580–581], что было нацелено на то, чтобы все присоединенные к Центральной России территории с нерусским населением, в том числе с мусульманами, стали частью единого всероссийского социума. На практике, как свидетельствует исторический опыт, это означало, что политика насильственной интеграции перерастала в различные варианты «цивилизованной» политики христианизации и русификации, но подобные усилия не дали ожидаемых результатов [12, с.268]. Неэффективность национальной политики самодержавия в начале XX в., как отмечалось в историографии, стала одним из факторов радикализации настроений масс и дезинтеграции общества [4, с.200], что привело самодержавие к политическому банкротству в 1917 г.

Пришедшее к власти в России весной 1917 г. Временное правительство отменило наиболее несправедливые нормы имперского религиозного законодательства, существенно облегчило условия деятельности неправославных объединений, предприняло шаги по созданию государственной светской школы и секуляризации различных сфер российского общества [9, с.12, 13]. В условиях революционного 1917 г. многочисленные нерусские народы Северной Евразии, в том числе Поволжья и Урала, вставали на путь самоопределения, создания своей государственности в той или иной форме, что привело к необходимости определения взаимоотношений тех или иных общероссийских правительств с этими региональными образованиями (которые очень часто и в современной литературе называются «национальные окраины», т.е. по-прежнему рассматривая их из имперского Центра), когда эти народы стали обретать статус субъектов национальной политики, т.е. могли сами решать свои проблемы на принципах демократии и гражданского общества.

После установления в России советской власти ее национальная политика, как было принято считать в советской историографии, привела к возникновению национальной государственности народов бывшей импе-

рии и добровольному объединению народов. Национальный вопрос подчинялся интернационалистской (фактически централистской) идее – созданию новой общности людей, при этом социальные проблемы довели над национальными интересами.

При этом высказываются самые разные точки зрения на роль этих народов в истории, вплоть до полного отрицания их способности на самостоятельное государственное существование. Здесь, как и в других схожих ситуациях, важно, как отмечал Р.Г. Кузеев (Уфа), «понять, измерить живущие в толще народа настроения, воспоминания, ориентации и способствовать их превращению в целенаправленный процесс». Борьба коммунистов с «национализмом» и «националистами» еще в полной мере в историческом аспекте не оценена. Однако очевидно, что эта борьба нанесла урон не только развитию народов и культур. Она на долгое время исказила в сознании людей идеи и лозунги национального движения, смысл понятий «самоопределение», «автономия», «федерация». Проблема взаимоотношений «Центра» и «окраин» превратилась в одну из ключевых в политической истории СССР [13, с.141, 144–145]. В современной российской историографии утвердилось мнение, что советская национальная политика, как и царская, не решила национальную проблему, что в конечном итоге привело к распаду многонационального СССР.

В то же время, согласно другой усиленно распространяемой ныне точке зрения, национальная политика Российской империи, как пишет, к примеру, А.И. Миллер (Москва), «решала довольно успешно» задачу «контролировать» «конфликты и напряженность» и предотвратить «формирование мощных сепаратистских тенденций» [19, с.255]. В изданном в Уфе сборнике под весьма красноречивым названием встречаются типичные рассуждения. Так, М.В. Гаухман (Уфа) пишет, что генерал-губернаторы в полиэтничных регионах империи были проводниками национальной политики, деятельность которых заключалась в обеспечении контроля над окраинными территориями и нерусскими народами [1, с.71]. Иначе говоря, поклонники неоимперской историографии предлагают считать мифом представление о Российской империи как о «тюрьме народов», выдвигая одновременно такую схему: правящие круги этой империи использовали в своей практической политике патернализм, который позволил сохранять народы, их культуру, самобытность и прочее, никакой русификации и христианизации в отношении, в частности, мусульман на закате империи не было, а те, кто писал и пишет об этом, явно раздувают такого рода факты, придавая им гипертрофированное значение.

Подобные рассуждения современных авторов объяснимы идеологическим восприятием подлинных интересов нерусских народов, в частности, Поволжья и Урала, в то же время интересны с точки зрения политической антропологии и современной политологии, и конъюнктуры. Причем различные формы сопротивления такой «патерналистской» политике со стороны народов одними авторами определяются обычно как национали-

стические (т.е. фактически с точки зрения Центра), другими – только как национальные, национально-освободительные (исходя из интересов того или иного народа «периферии» Центра).

Как следует из исторических фактов, в Поволжье и на Урале – одном из историко-культурных регионов Северной Евразии с полиэтничным и поликонфессиональным населением в начале XX в. – специфику развития определял татарский народ – его интересы, настроения, устремления. Дискуссия о роли этого существенного фактора в указанный период не только остается актуальной в историографии, особенно в политологии и в политической публицистике, но и привлекает все больше общественный интерес не только в России, но и за ее пределами.

Изучение социального поведения мусульманских народов бывшей Российской империи, в том числе Поволжья и Урала, во время Гражданской войны в России, выстроенное в советской историографии по схеме «развития национально-освободительного движения народов», ставило цель показать «логику» процесса освобождения от мусульманских лидеров, перехода на «интернационалистские» позиции под красным знаменем и на защиту советской власти. Причем описание этой схемы осуществлялось по региональному принципу в соответствии с позднее созданными союзными и автономными республиками, но вопреки историческим реалиям революционных лет и Гражданской войны.

После распада СССР в постсоветских республиках стала доминировать тенденция «национализации» истории, что затронуло и период Гражданской войны. Изучение национальных движений и государственных образований во всех частях распавшейся империи стало первостепенной тенденцией в странах СНГ и в бывших автономных республиках со значительным тюркским населением. Одной из наиболее цитируемых при этом стала книга европейского исследователя А. Каппелера, который полагал, что с конца 1917 г. усилились центробежные тенденции в мусульманских регионах, и в результате была провозглашена независимость Туркестана, Казахстана, Башкирии, Северного Кавказа и Закавказья [8, с.302]. В этом списке, однако, отсутствует Татарстан, где, как хорошо известно, также шла борьба за самоопределение.

Какой характер имели социальные движения, которые боролись за самоопределение народов Поволжья и Урала? В 1917–1920 гг., на взгляд, например, А.Б. Юнусовой (Уфа), «демократическое движение среди тюркских народов было по сути татарским, башкирским, казахским, тюркским, то есть национальным, этнополитическим, но не исламским. Следовательно, словосочетание “мусульманское движение”, имеющее определенную смысловую нагрузку, в отношении России вообще неприемлемо, речь можно вести лишь о политической активности (политических движениях) мусульманских народов». Движение башкир, татар, казахов, других мусульманских народов России «ни в коем случае не носило религиозно-политического характера», а было «освободительным» [24, с.85, 316].

Такие рассуждения настойчиво внедряются в историографию, вопреки бесспорному историческому факту, который отмечался всеми современниками: мусульманское население, находившееся под сильным влиянием религии, представляло собой единую общность. Так, на 1-м Всероссийском съезде Советов рабочих и солдатских депутатов в июне 1917 г. делегат-большевик Е.А. Преображенский использовал в своей речи понятие «мусульманская национальность» [16, с.176]. У мусульман, констатировал ЦК РКП(б) в письме партийным организациям от 21 февраля 1920 г., «гражданско-семейный быт тесно связан с религиозными представлениями, религия [...] занимает в их жизни гораздо больше места», чем у других народов, за время существования советской власти большое место в жизни «мусульманского народа» заняло «национальное движение», в основе которого лежало «стремление каждой отдельной этнической мусульманской группы [...] поднять свою национальную культуру, создать свою собственную литературу, свои собственные школы...» [11, с.236, 237]. Понятия «мусульманский народ» и «этническая мусульманская группа», однако, вскоре вышли из партийного употребления, исчезли и из публикаций, так как не вписывались в «национально-освободительную борьбу» мусульман. И в современной историографии наблюдаются другие приоритеты.

На протяжении 1917 г. общемусульманское политическое движение мусульман Российской империи переживает, пишет, к примеру, Д.М. Усманова (Казань), вполне очевидную эволюцию к осознанию примата национальных и региональных интересов. Эта тенденция стала, по ее выражению, «непреложным фактом» к ноябрю 1917 г. В этих условиях идеологам татарского движения было важно сформулировать концепцию татарской национальной государственности [22, с.118]. В 1917 г., по мнению Р.Г. и Р.Р. Фахретдиновых (Казань), происходил распад общественного движения мусульман России на национальные движения с собственными политическими концепциями, а лидеры, в частности, татарского национального движения начали все больше склоняться к идее национальной самостоятельности [23, с.302–303].

Такого рода логика привела к тому, что в историографии бытуют представления о том, что национальные движения буквально за несколько лет Гражданской войны заняли в прочном религиозном сознании народных масс гораздо больше места, чем их вера, т.е. национальное якобы возобладавало над религиозным, стало определяющим регулятором их жизни, что, конечно же, искажение истории. Что касается упомянутого «распада», то на самом деле имела место ликвидация большевиками Всероссийского мусульманского совета, исключение его из политики, а упомянутая «эволюция» была присуща узкой группе политиков, а не народным массам, которые находились под сильным влиянием многовековых традиций, связанных с исламом.

Несмотря на сотни различных публикаций, посвященных национальному вопросу и национальной политике, анализ соотношения религиозно-

го и национального в отношении, в частности, тюркских народов Поволжья и Урала не осуществлен. И как показывает состояние источниковой базы, это весьма отдаленная исследовательская перспектива. Вот типичный пример, который касается воспроизведения источников. Один из активных участников борьбы народов Поволжья и Урала за самоопределение А.-З. Валидов в своих воспоминаниях констатировал, что существовали «мусульманские движения, т.е. движения за автономии в Башкурдистане, Алаш-Орде и Туркестане» [20, с.188]. Эта фраза в уфимском переводе переведена так: «движения за автономию в Башкортостане, Алаш-орде и Туркестане» [21, с.276], т.е. слово «мусульманские» было намеренно убрано. Еще пример из уфимского перевода: «...Во мне течет и татарская кровь», – писал Валидов [19, с.278]. Эти слова о его этническом происхождении были также изъяты из уфимского перевода. Даже перевод названия мемуаров, сделанный в Уфе, противоречит оригиналу – «*Natıralar: Türkistan ve diğer müslüman doğu Türklerinin milli varlık ve kültür mücadeleleri*». В турецком названии сказано о «мусульманах», а не о народах Туркестана, а слова «тюркок» нет в оригинале. Сравнение двух переводов показало, что в уфимском переводе, который широко используется историками особенно в Башкортостане и Татарстане, умышленно были допущены многочисленные искажения и пропуски, особенно когда речь идет об этнических и религиозных темах.

Факты свидетельствуют о том, что буквально с первых же дней после прихода к власти большевиков в Петрограде, руководители общемусульманского движения призвали мусульман всей страны сохранять нейтралитет в русской гражданской войне. 27 октября 1917 г. политический центр общемусульманского движения – Всероссийский (сфера деятельности – вся бывшая империя) мусульманский совет, находившийся в Петрограде, заявил: «Зарево гражданской войны поднялось над страной... Кто бы ни победил в этой борьбе, нельзя закрывать глаза, – в результате страшный удар по революции. [...] Что делать мусульманам в этот момент тяжелой социальной борьбы? Мусульманскому населению, как национальной группе, приходится принять все меры к тому, чтобы кровавое зарево гражданской войны как можно менее захватило их. Спокойствие и выдержка! Необходимо принять все меры к самообороне от всяких случайностей» [6]. Эти призывы к мусульманам были основаны на понятных им коранических указаниях, в частности в таком: «Сражайтесь... с теми, которые сражаются с вами, но не будьте зачинщиками, ибо Аллах не любит несправедливых» и тех, кто поднимает «мятеж» [10, 2:186¹], с мусульманской точки зрения, который инициировали большевики, свергнув Временное правительство. Всероссийский мусульманский совет, зная об их настроениях, выступил против их участия в русской междоусобице.

---

¹ Так обозначаются ссылки на Коран.

Однако в мае 1918 г. советская власть упразднила этот Совет, что имело огромное политическое значение. Как отмечалось в меморандуме британской разведки от 25 июня 1918 г., после роспуска Всероссийского мусульманского совета возник открытый раскол как в Европейской, так и в Азиатской России между мусульманами и большевистским режимом [26, р.8]. Именно это решение новой власти послужило причиной активизации региональных мусульманских движений, которые стали оказывать сопротивление большевикам и их политике, которую мусульманский народ в отношении их веры воспринял как кощунство и встал на ее защиту.

У руководителей общемусульманского движения, которым пришлось от большевиков бежать в Европу, где только было возможно открыто выразить истинные мотивы и устремления нерусских народов, попавших под советскую власть, имелись свои проекты для народов, в том числе Поволжья и Урала. Об этом заявлял европейской общественности и европейским политикам известный татарский либерал С.Максудов, находясь в Париже. Его активность в Европе вызвала недовольство в Кремле. Об этом свидетельствует начавшаяся в Советской России кампания по его дискредитации в глазах татарского населения. Из Москвы в Поволжье была направлена соответствующая телеграмма. В частности, 30 марта 1920 г. Самарское губернское бюро татаро-башкирской секции при Самарском губкоме РКП(б) на своем заседании, ознакомившись с ней, приняло решение разослать по уездам копии этой телеграммы, чтобы разъяснить населению через печать действия этого, как сказано в документе, «бывшего татарского руководителя во время царизма», ныне «находящегося под влиянием французской буржуазии». Через три недели председатель этого бюро коммунист-татарин Г. Садреев телеграфировал в Москву, что данная телеграмма была распространена с соответствующими пояснениями по уездам и направлена в губком РКП(б) для опубликования в местных газетах [2, с.726]. Такая пропаганда была связана с намеченным в Кремле решением судьбы народов Поволжья и Урала.

В конце мая 1920 г. была создана Татарская АССР, которая охватывала, как известно, лишь небольшую часть татарского населения и той территории, где компактно жили татары. Это была определенная политика Кремля. Ее суть была раскрыта крымско-татарским коммунистом И.Фирдевсом на 2-м Всероссийском съезде мусульманских коммунистических организаций народов Востока, который состоялся в Москве 22 ноября – 3 декабря 1919 г. Передавая свои впечатления от бесед с В.И. Лениным и И.В. Сталиным, он на этом съезде 27 ноября 1919 г. сказал следующее: «Безусловно, мы должны поддерживать национальное движение, но путем создания мелких республик. Не надо давать этому национальному движению объединяться в громадной общей территории, не давать, чтобы это национальное движение охватило громадную территорию, приобрело экономические ресурсы. Безусловно, мы должны создавать не крупные республики, а мелкие республики, присоединяя их к себе и не

давая им возможности объединиться» [18, с.268]. Иначе говоря, создавая подобные «национальные» республики, большевистские вожди имели цель создать просоветские «национальные» движения, настраивая их против ислама, его культуры и наследия. Вот почему началом национального татарского движения следует считать декрет от 27 мая 1920 г. о создании Татарской АССР (Декрет «Об Автономной Татарской Социалистической Советской Республики»). Очевидно, что Идель-Уральская республика, разгромленная большевиками в марте 1918 г., и Культурно-национальная автономия мусульман Европейской России и Сибири, за которые боролись мусульманские движения, представляли потенциальную угрозу для планов кремлевских вождей, конструировавших свою модель для раздробления народов Идель-Урала. Создавая здесь территориальные автономии, они намеренно не считались при этом с фактическим расселением нерусских народов, что приводило к конфликтам на этой основе, к разжиганию тем самым вражды между народами и ставило всех их в полную зависимость от воли кремлевских правителей.

Несмотря на создание большевиками, в частности, Татарской АССР, нереализованный проект создания Идель-Уральского государства имел большую поддержку среди местных коренных народов, оставил глубокий след в их сознании и памяти. Об этом ярко свидетельствует, в частности, повесть татарского писателя Гали Рахима под характерным названием «Идель» (1921 год). Идель – образ-символ, в котором проявляется характерная для символических образов многозначность. В конце повести индивидуальная судьба героя-повествователя вписывается в исторический контекст: «Менә ул – безнең олуг анабыз Идел, минем аяк астымда... Син безнең туган Иделебез, үз Иделебез иден ләбаса, ник үзеннең балаларың[ны] ташладың? Ник безне эллә кемнәр синең шәфкатыле ярларыңнан сөрделәр? Ятлар, синең үги улларың, хәзер сине “Анабыз Идел” дип атылар. Кайчанга чаклы шуңар риза булып торырың син? Чынлыкта син безнең анабыз иден, ничә йөз еллар безне үз кочагыңда тәрбияләгән иден! Тәкъдир какканга карап, ни өчен син дә безне кагасың инде, Идел?...» («Вот она – наша великая мать-Идель – подо мной... Ты ведь когда-то была нашей родной Иделью, зачем оставила своих детей? Зачем нас изгнали с твоих милосердных берегов? Чужие, неродные тебе дети сейчас зовут тебя “Волгой-матушкой”. Доколе ты будешь терпеть это? Ты ведь была нашей матерью, сколько сотен лет растила нас в своих объятиях! Зачем и ты, как судьба, отвергаешь нас, Идель?») [Цит. по: 5, с.81–82]. Здесь Идель выступает как выражение исторической памяти. Образ чаек, носящихся над рекой в осеннем небе, становится символом трагической судьбы татарской нации: «И минем мескен халкым, мин сине канаты сынган акчарлакка охшатасым килә... Кемнәр генә синең көчле канатларыңны имгәттеләр икән соң?» («О мой бедный народ, я хочу уподобить тебя бескрылым чайкам... Кто же сломал твои сильные крылья?») [Цит. по: 5, с.81–82].

Здесь писатель выразил те чувства народных масс, разделенных административными границами, разобщенными и в вопросах культуры, просвещения, школьного дела, что дало основания понимать, что истинная цель советской власти, создавшей вместо общей Идель-Уральской республики небольшие автономные советские республики, состояла в том, чтобы разделить на части народы этого края, как можно сильнее разобщить их, продолжая тем самым царскую политику русификации и ассимиляции.

Не случайно находившийся в Европе С.Максудов воспринимался европейцами как представитель подлинных интересов татарского народа, являясь председателем Заграничного представительства татар-мусульман Внутренней России, которое было органом Культурно-национальной автономии мусульман Европейской России и Сибири. Это сочетание «татары-мусульмане» означает, что татарские политики прекрасно понимали значение религии для массового сознания тюркского населения этого огромного региона, включавшего в себя Поволжье и Урал.

17 декабря 1920 г. в парижской эмигрантской газете «Последние новости» было опубликовано заявление этого представительства. Как было сказано в документе, татары полагают, что только избранные на основании демократических принципов представители России могут говорить от имени России, и только голос и мнение таких представителей могут иметь вес и моральный авторитет, как в глазах народов самой России, так и среди других народов.

В январе 1921 г. в Париже состоялось совещание 33 депутатов Всероссийского Учредительного собрания. Главной целью этого совещания было показать мировому сообществу их отношение к Советской России, к большевистской власти. В числе участников этого совещания были такие известные политики, как глава Временного правительства А.Ф. Керенский, министры этого правительства Н.Д. Авксентьев, В.М. Чернов, П.Н. Милюков, а также С.Максудов [17, 25 января]. Русские политики обещали татарским представителям обсудить национальный вопрос и разработать свою резолюцию до начала совещания, чего не произошло. В ходе совещания произошла острая полемика между русскими и татарскими политиками.

9 января 1921 г. Максудов в первом своем выступлении критиковал политику русских правителей по отношению к татарскому народу, в частности, подробно описал разрушение Казани Иваном Грозным. Максудов говорил о том, что национальный вопрос при самодержавии всегда старались скомкать и в Думах, и в земствах, и везде, где преобладали реакционеры, а ведь, подчеркивал он, есть народы, для которых этот вопрос является вопросом о жизни и смерти, имея в виду и татарский народ. Максудов призывал участников совещания открыто, ясно и определенно сказать всем народам России о том, что они намерены дать по всем волнующим российских граждан вопросам, по вопросу аграрному, политическому, экономическому и национальному. Максудов предложил участникам совещания

включить в программу пункт о национальном вопросе и откровенно высказаться по нему [3, с.542, 544, 551; 15², 12, 19 января].

15 января участники совещания обсуждали две резолюции. Первая относилась к тем новым государствам, которые образовались на периферии бывшей Российской империи. При обсуждении этого документа Максудов заявил, что помимо воли народа не может существовать тот или иной государственный порядок. Он сказал, что основной причиной отделения от России бывших ее территорий явилось естественное и законное стремление народов этих окраин к самоопределению.

Затем началось обсуждение текста резолюции по национальному вопросу. Максудов зачитал достаточно конкретный проект, в котором было сказано: «В Российской Федеративной Демократической Республике каждой национальности, населяющей определенную область в преобладающем количестве, должны быть предоставлены право и свобода образовать автономную государственную единицу, федеративно входящую в Российскую республику». Кроме того, проект предусматривал и культурно-национальную автономию. Федеративная республика должна была состоять не из союза штатов, а из союза народов. Затем Максудов произнес большую речь. По его мнению, русские политики на совещании предложили резолюцию, в которой не гарантировались права народов как таковые, и им не предоставлялась культурно-национальная автономия. Резолюция, которая фактически повторяла заявления Временного правительства в 1917 г., не договаривала о многом, создавала в будущем основу для нежелательных толкований.

Далее Максудов указал, что в основу федерации должен быть положен принцип, по которому центральная власть не могла бы вмешиваться во внутренние дела того или иного народа. Он предложил свою резолюцию положить в основу резолюции совещания. Началось бурное обсуждение его речи, высказывались различные взгляды. Русские политики в итоге не поддержали данный проект. Выслушав своих оппонентов, Максудов констатировал: «У вас и у нас понимание разное. Мы не можем отказаться от права когда-нибудь образовать *территориальный штат...*».

Обсуждение национального вопроса продолжилось на заседании 17 января, поскольку существовало большое разногласие с татарскими политиками, которые, как отмечалось в газетных отчетах, решительно не соглашались с позицией русских политиков. Согласно дневнику Милукова, Максудов заявил, что он вносит другой проект резолюции, в котором отмечалось, что в России дискриминируется сама принадлежность к нерусскому этносу, например, к татарскому народу, что хотя индивидуумы не ограничены в правах, но отсутствуют национальные права, что необходима полная национально-культурная автономия: не для отдельных индивидуумов, а для всей нации как юридического лица, что значило наличие

---

² 15 – номер из списка, т.е. газета.

публично-правовых привилегий. «Это – мнение нашего народа, – указывал Максудов, – это и научное понимание культурной автономии» [3, с.578, 579, 587; 15³, 15, 16, 19 января; 17⁴, 15, 16, 18, 19 января].

21 января 1921 г. был принят проект заключительного заявления совещания, в котором было отмечено, в частности, что им принят принцип культурно-национальной автономии, признающей право национальности, как целого, для народов Европейской России, а для наиболее значительных и компактно существующих народов организацию в особые федеративные единицы, оградив в то же время права национальных меньшинств. Эта формулировка, как сообщалось в газетах, не была поддержана Максудовым и его единомышленниками [3, с.612; 15⁵, 22 января]. Их позиция основывалась на статьях Конституции культурно-национальной автономии мусульман Европейской России и Сибири, принятой в Уфе в конце 1917 г. Таким образом, татарские политики в Европе не признавали «национальные» республики, созданные Кремлем, и одновременно настаивали на праве нерусских народов в будущей советской России иметь территориальное образование (в том числе Идель-Уральскую республику), поскольку такое право должно быть предоставлено каждому народу. Эта позиция татарских политиков импонировала общественному мнению и правительству Франции.

В Париже внимательно наблюдали за тем, что делали в бывшей империи большевики, обещавшие народам их самоопределение, которого на практике не было нигде. Так, принятая в ноябре 1921 г. Конституция Крымской АССР, как отмечалось в записке, направленной французским дипломатом в МИД Франции через несколько месяцев, была похожа на Конституции Азербайджана, Армении, Грузии и других республик, учрежденных советским правительством. Она – более точное воспроизведение Конституции Туркестанской АССР, которая, как и Татарская АССР и другие, фактически не обладала автономией, кроме названия. Все эти республики являлись региональными, а не национальными автономиями [25, f.138]. Иначе говоря, созданные республики не отражали истинные интересы коренных народов, а были лишь декорацией, что было очевидным фактом для европейских экспертов и политиков. Например, несмотря на признание Францией Советского Союза в конце 1924 г., французское правительство при этом не признавало вхождение Грузии в его состав, что вызывало сильную тревогу в Кремле.

Схожая с Идель-Уральским регионом ситуация возникла на Кавказе, где большевиками 16 июля 1921 г. была образована Аджарская АССР. Большинство мусульманского населения этой республики не поддержало новую власть и декретированное из Москвы самоопределение. В результате

³ 15 – номер из списка, т.е. газета.

⁴ 17 – номер из списка, т.е. газета.

⁵ 15 – номер из списка, т.е. газета.

9 ноября 1922 г. И.В. Сталин направил телеграмму в Тифлис первому секретарю Закавказского крайкома РКП(б) Г.К. Орджоникидзе и секретарю ЦК КП Грузии В.В. Ломинадзе. В ней сообщалось, что в Аджаристане ведется работа «по организации плебисцита» относительно судьбы этой автономии, которую в случае успеха поддержат правительства Франции и Англии. «Будет скандал», писал он, если «удастся собрать тайно подписи и добиться эффекта» [7, с.406–406]. Данная реакция Сталина представляет собой, в сущности, реальную оценку результатов проводимой большевистским руководством политики во время Гражданской войны в отношении мусульман не только здесь, но и в других декретированных советских республиках, в том числе в Татарской АССР, организаторы которых вовсе не считались с подлинными настроениями мусульман этих земель, а руководствовались тем, чтобы предотвратить признание их собственных государств со стороны прежде всего Великобритании или Франции, что нанесло бы сильный удар по национальной политике советского руководства, особенно его имиджу среди европейского пролетариата и в странах Востока.

Таким образом, в начале 1918 г. мусульманское движение в бывшей Российской империи распалось под ударами советской власти на региональные движения. Именно они, а не слабые и стимулированные большевиками национальные движения, стали бороться за права тюркских народов, в том числе башкир и татар, на самоопределение. С одной стороны, зная о глубоко коренящейся в тюркских массах исламской вере, советское руководство сделало ставку на внедрение национальной государственности, навязав ее народам Поволжья и Урала декретированным методом при помощи штыков. Создание Татарской АССР, как, впрочем, и Башкирской АССР, было продиктовано вовсе не теми обещаниями, которые большевики давали народам, а стремлением расколоть народы Поволжья и Урала между собой. С другой – причина появления этих автономных республик заключается также в том, что в 1918–1920 гг. мусульманские движения на территории бывшей Российской империи, в том числе в Поволжье и на Урале, превратились в важный и мощный военно-политический фактор не только внутренней, но и международной политики, с чем пришлось считаться кремлевским вождям, находившимся в международной изоляции.

Источники и литература

1. Гаухман М.В. Два места службы Александра Безака: генерал-губернатор как «этноадминистратор» полиэтнических регионов (на примере анализа историографии национальной политики Российской империи) // Государственный аппарат управления в империи Романовых: эффективность деятельности властных структур и бюрократии: Материалы Всероссийского научного симпозиума, посвященного 100-летию со дня рождения видного российского историка-археографа Натальи Федоровны Демидовой (г. Уфа, 16–18 декабря 2020 г.). Уфа: ИИЯЛ УФИЦ РАН, 2021. С.67–72.

2. Гражданская война в России и мусульмане. Сборник документов и материалов. М.: Институт российской истории РАН, 2014. 816 с.

3. Дневник П.Н. Милюкова. 1918–1921. М.: РОССПЭН, 2004. 845 с.

4. Зорин В.Ю., Аманжолова Д.А., Кулешов С.В. Национальный вопрос в Государственных думах России: опыт законотворчества. М.: Русский мир, 1999. 501 с.

5. Ибрагимов М.И. Национальная идентичность татарской литературы: современные методы исследования: очерки. Казань: Институт языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова АН РТ, 2018. 104 с.

6. Известия Всероссийского мусульманского совета (Петроград). 1917. 27 октября.

7. Исхаков С.М. Гражданская война и мусульмане // Россия в годы Гражданской войны, 1917–1922 гг.: очерки истории и историографии. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2018. С.361–407.

8. Канпелер А. Россия – многонациональная империя. Возникновение. История. Распад / пер. с нем. М.: Прогресс-Традиция, 1996. 343 с.

9. Конфессиональная политика советского государства. 1917–1991. Документы и материалы: в 6 т. М.: РОССПЭН, 2018. Т.1: в 4 кн.: 1917–1924 гг. Кн. 1. 646 с.

10. Коран / пер. с араб. Г.С. Саблукова. Казань: Репринтное издание. 1907. 1169 с.

11. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК КПСС. 1898–1970. М.: Политиздат, 1983. Т.2. 606 с.

12. Кузеев Р.Г. Особенности присоединения Башкирии к русскому государству // Урал в прошлом и настоящем. Материалы научной конференции. Ч.1. Екатеринбург: НИСО УрО РАН, Банк культурной информации, 1998. С.267–269.

13. Кузеев Р.Г. Традиционная автономия или суверенная республика – альтернатива политического развития // Этничность. Национальные отношения. Социальная практика. Сборник статей. СПб.: Петрополис, 1995. С.141–163.

14. Национальная политика России: история и современность. М.: Русский мир, 1997. 678 с.

15. Общее дело (Париж). 1921. 12, 15, 16, 19, 22 января.

16. Первый Всероссийский съезд Советов Р. и С.Д. М.-Л.: Гос. социально-экономическое изд-во, 1931. Т.2. 489 с.

17. Последние новости (Париж). 1921. 15, 16, 18, 19, 25 января.

18. Протоколы I и II всероссийских съездов коммунистических организаций народов Востока, Москва, 1918, 1919 годы. М., СПб.: Институт российской истории РАН, Центр гуманитарных инициатив, 2017. 552 с.

19. Российская империя между реформами и революциями, 1906–1916. М.: Квадрига, 2021. 792 с.

20. Тоган З.В. Воспоминания. Борьба мусульман Туркестана и других восточных тюрок за национальное существование и культуру / пер. с тур. М.: [Б.и.], 1997. 650 с.

21. Тоган З.В. Воспоминания. Борьба народов Туркестана и других восточных мусульман-тюрок за национальное бытие и сохранение культуры / пер. с тур. Кн. 1. Уфа: Башкирское кн. изд-во «Китап», 1994. 600 с.

22. Усманова Д.М. Создавая национальную историю татар: историографические и интеллектуальные дебаты на рубеже веков // Новая имперская история

постсоветского пространства. Казань: Центр исследований национализма и империи, 2004. С.109–126.

23. Фахрутдинов Р.Г., Фахрутдинов Р.Р. История татарского народа. Казань: Татарское кн. изд-во, 2015. 408 с.

24. Юнусова А.Б. Ислам в Башкортостане. Уфа: Уфимский полиграфкомбинат, 1999. 349 с.

25. Archives du ministère des Affaires étrangères de France. Correspondance politique et commerciale 1914–1940. Ser. Z. Car. 651. Dos. 2.

26. Public Record Office. CAB 24/57/69.

To the question of the reasons for the formation of the Tatar Autonomous Soviet Socialist Republic

S.M. Iskhakov

*Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences
Moscow, Russian Federation*

The article reflects the main approaches to the coverage of national policy in the Russian Empire and in Soviet Russia and is devoted to a little-studied aspect of the history of the emergence of the Tatar ASSR. There are gaps in the coverage of this event, due, on the one hand, to the influence of modern interpretations of national policy, and on the other hand, to the downplaying of the role of the social movement of the masses, which took place under religious influence and played an important role during the Civil War in the Volga region and the Urals in 1918–1920.

Keywords: national policy, Muslims, I.V. Stalin, S. Maksudov, Idel-Ural, Bashkir ASSR, Tatar ASSR.

For citation: Iskhakov S.M. To the question of the reasons for the formation of the Tatar ASSR. From History and Culture of Peoples of the Middle Volga Region. 2022, vol. 12, no. 2, pp.117–130. (In Russian)

Информация об авторе:

Исхаков Салават Мидхатович – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Центра изучения новейшей истории России и политологии Института российской истории РАН (Москва, Российская Федерация); e-mail: novistiriran@mail.ru

Iskhakov Salavat Midkhatovich – Dr. Sci (history), Leading Researcher at the Center for the Study of the Recent History of Russia and Political Science of the Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russian Federation).